

Информация для цитирования:

Котов А. А. Эпитеты в русских духовных стихах / А. А. Котов, Е. А. Мухина // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 6. — С. 245—266. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-245-266.

Kotov, A. A., Mukhina, E. A. (2021). Epithets in Russian Spiritual Verses. *Nauchnyi dialog*, 12 (6): 245-266. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-245-266. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-245-266

Эпитеты в русских духовных стихах

Котов Андрей Александрович *

orcid.org/0000-0002-1251-9083
кандидат филологических наук,
доцент, заведующий кафедрой
русского языка как иностранного
и прикладной лингвистики

* *корреспондирующий автор*
andrewcot1972@yandex.ru

Мухина Елена Александровна

orcid.org/0000-0002-5922-8558
кандидат филологических наук,
доцент кафедры
русского языка как иностранного
и прикладной лингвистики
kareliaptz@mail.ru

Петрозаводский
государственный университет
(Петрозаводск, Россия)

Epithets in Russian Spiritual Verses

Andrey A. Kotov *

orcid.org/0000-0002-1251-9083
PhD in Philology, Associate Professor,
Head of the Department of Russian
as a Foreign Language
and Applied Linguistics

* *Corresponding author*
andrewcot1972@yandex.ru

Elena A. Mukhina

orcid.org/0000-0002-5922-8558
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Russian as a Foreign
Language and Applied Linguistics
kareliaptz@mail.ru

Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматриваются состав и функционирование эпитетов в русских духовных стихах. Актуальность исследования обусловлена малоизученностью духовных стихов с точки зрения языка, а также возможностью рассмотреть взаимодействие устной и письменной традиций, светской и христианской культуры, которые тесно переплетены в этом фольклорном жанре. Делается краткий экскурс в теорию изучения эпитета в русской лингвистической традиции с учетом новейших исследований, особо говорится об использовании постоянных эпитетов в фольклорных текстах различных жанров. Рассматриваются тексты трех сборников русских духовных стихов: Сборник русских духовных стихов, составленный В. Варенцовым; «Голубиная книга: Русские народные духовные стихи XI—XIX веков»; «Духовные стихи русского Севера». Выделяются 2 корпуса эпитетов — общефольклорные постоянные эпитеты и жанрово обусловленные эпитеты русских духовных стихов. Делаются наблюдения об их количественном и качественном составе, описываются особенности использования тех и других с учетом специфики жанра, объясняется их соотношение. Дается грамматическая характеристика эпитетов с точки зрения морфологического выражения и позиции в составе атрибутивной синтагмы.

Ключевые слова:

лингвофольклористика; русские духовные стихи; адъектив; эпитеты; общефольклорные эпитеты; жанровые эпитеты.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article examines the composition and functioning of epithets in Russian spiritual verses. The relevance of the study is due to the lack of research on spiritual verses from a linguistic perspective, as well as the opportunity to explore the interaction between oral and written traditions, secular and Christian culture, which are closely intertwined in this folklore genre. A brief overview of the theory of epithet study in Russian linguistic tradition is provided, taking into account the latest research, with particular emphasis on the use of constant epithets in folklore texts of various genres. The texts of three collections of Russian spiritual verses are considered: “Collection of Russian Spiritual Verses” compiled by V. Varentsov; “The Dove Book: Russian Folk Spiritual Verses of the 11th-19th Centuries”; “Spiritual Verses of the Russian North”. Two corpora of epithets are distinguished: general folklore constant epithets and genre-specific epithets of Russian spiritual verses. Observations are made about their quantitative and qualitative composition, describing the peculiarities of their usage in relation to the genre’s specificity and explaining their correlation. A grammatical characterization of epithets is provided from the perspective of morphological expression and position within an attributive syntagm.

Key words:

linguistic folklore studies; Russian spiritual verses; adjectives; epithets; general folklore epithets; genre-specific epithets.

Эпитеты в русских духовных стихах

© Котов А. А., Мухина Е. А., 2023

1. Введение = Introduction

Являясь одной из ранних категорий риторики (позднее — стилистики), описанных еще в эпоху Античности, в русской лингвистической и — шире — филологической мысли эпитет, начиная с эпохи М. В. Ломоносова, неоднократно становился объектом пристального внимания и изучения со стороны крупных отечественных ученых-филологов: Ф. И. Буслаева, А. Н. Веселовского, А. А. Потебни, В. М. Жирмунского, Б. В. Томашевского, А. П. Евгеньевой и многих других; история изучения эпитета в русской лингвистике кратко изложена в [Жданович, 2007].

Оценивая важность изучения эпитета и его роль в развитии литературы, основоположник теории исторической поэтики В. В. Веселовский писал: «За иным эпитетом, к которому мы относимся безучастно, так мы к нему привыкли, лежит далекая историко-психологическая перспектива <...>, целая история вкуса и стиля в его развитии от идей полезного и желаемого до выделения понятия прекрасного» [Веселовский, 1989, с. 59]. «Каждый из этапов историко-литературного процесса (смена стилей и направлений) нашел свое отражение в эпитете», — утверждал В. В. Веселовский [Там же, с. 321]. В его понимании «эпитет как бы концентрирует в себе историю поэтического стиля и — шире — историю поэтического сознания, поскольку выделение признака, заключенного в эпитете, с позиции существенности / несущественности характеризует не только сознание писателя, но и поэтическое сознание эпохи, мировоззрение народа и систему ценностей, заложенных в социуме» [Жданович, 2007, с. 80].

Эпитеты являются важным элементом поэтики фольклора; использование эпитетов в различных фольклорных жанрах неоднократно становилось предметом изучения отечественной лингвофольклористикой в былинах, сказках, частушках и прочих жанрах, см.: [Лазутин, 1981; Березкина, 1999; Слесарева, 2011; Егорова, 2018; Вавилова, 2020 и др.]. Несмотря на то, что «духовные стихи по своей значимости занимают второе место (после былин) в эпическом наследии русского народа» [Котов и др., 2021, с. 127], работы, посвященные изучению эпитетов в русских духовных стихах, край-

не немногочисленны, а сформулированные в них наблюдения и выводы не позволяют нам представить целостную картину, которая демонстрирует специфику использования эпитетов с учетом особенностей жанра.

В частности, С. Е. Никитина, анализируя способы выражения в духовных стихах языковой оценки, указывает на наличие в них постоянных эпитетов, которые делают «предмет определенным, наделенным характерным, имманентно присущим ему признаком, постоянным и неизменным. Этот признак указывает на идеальное соответствие предмета своей природе и назначению» [Никитина, 1993. с. 139].

А. М. Петров, рассматривая эпитеты в русских духовных стихах, относящиеся к символике цветообозначения, формулирует следующее наблюдение: «Не является неожиданным, что колористика жанра в целом образует так называемую «универсальную цветовую триаду» (термин В. Тэрнера [Тэрнер, 1983]): *белый — красный — черный* [Петров, 2011, с. 26]. Автор отмечает скупость в русских духовных стихах цветовой палитры, в которой наиболее частотными колоративами являются *белый* и *черный*. Данный факт «говорит об аскетическом характере этого жанра, что вполне согласуется с его нравственной установкой» [Петров, 2011, с. 34].

Предпринимаемое нами исследование можно рассматривать как одно из первых объемных изучений эпитетов в духовных стихах, в том числе с учетом специфики жанра.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Еще в 1858 году в первом издании своего труда «Опыт исторической грамматики русского языка» (начиная со второго издания 1863 года — «Историческая грамматика русского языка») Ф. И. Буслаев дал собственно филологическое определение эпитета: «Признак, по которому предмет получает свое название, именуется эпитетом» [Буслаев, 1959, с. 289]. С того времени было написано значительное количество работ, посвященных как содержательной специфике эпитетов, так и особенностям их использования в том или ином тексте, и с учетом его жанровой принадлежности, см. подробнее: [Жданович, 2007; Булахова и др., 2017]. Несмотря на значительный объем специальной литературы, в русистике не существует единого общепринятого определения понятия «эпитет».

Среди многообразия специальных работ следует выделить, по нашему мнению, одну из недавних статей Н. П. Булаховой и А. П. Сковородникова, в которой дается масштабный аналитический обзор трудов отечественных исследователей, занимавшихся проблемой эпитета, начиная с эпохи 19 столетия [Булахова и др., 2017]. На основе проведенного анализа авторы формулируют важные теоретические положения относительно сущности эпитета.

«В ... научно-исследовательской литературе обнаруживается довольно пестрая картина определений этого понятия. В то же время изучение этой картины показывает возможность построения градуальной классификации дефиниций эпитета: от эпитетов с минимумом релевантных признаков к эпитетам с максимумом таких признаков» [Там же, с. 123]. Авторы приводят шесть типов дефиниций — начиная от определений, в которых отсутствует указание на тропеичность эпитета, и заканчивая определениями, в которых эпитеты рассматриваются как приобретающие свойства выразительности строго в определенном контексте [Там же, с. 123—127].

На основании обобщения авторы приходят к следующим выводам:

1. «Феномен эпитета, понимаемый как экспрессивное определение, может возникать только в тех словосочетаниях, элементы которых находятся в определительных отношениях...» [Там же, с. 129].

2. «Вторым условием констатации феномена эпитета является наличие экспрессивности зависимого члена словосочетания со значением определительности (то есть словосочетания, члены которых находятся в определительных отношениях)» [Там же, с. 129].

3. «Опираясь на эти два условия, следует разграничивать понятия логического определения и эпитета на основании стилистической нейтральности первого и ненейтральности второго. Причем эпитет может быть не только образным, но и эмоционально-оценочным определением, то есть обладать аксиологическими качествами, что в свою очередь обуславливает его выход за рамки тропа, а также может обладать свойством интенсификатора признака или относиться к стилистически маркированным (ненейтральным) единицам языка...» [Там же, с. 130].

С учетом сказанного дается следующее определение эпитета: «... под эпитетом мы понимаем экспрессивное, то есть образное и / или эмоционально-оценочное определение предмета, явления, признака, признака и действия, создающее или подчеркивающее (интенсифицирующее) их изобразительное качество и / или аксиологическую характеристику и тем самым воздействующее на адресата» [Там же, с. 135].

Приведенные положения мы считаем верными и принимаем их в качестве теоретической основы с двумя важными оговорками:

1) в рамках данной статьи с учетом сложившейся в лингвофольклористике традиции мы будем рассматривать эпитет как определение предмета или явления, построенное по базовой схеме «определяемое существительное / субстантив + атрибутивный адъектив» или «атрибутивный адъектив + определяемое существительное / субстантив»;

2) сказанное выше релевантно в отношении текстов литературного языка, но требует корректировки в отношении фольклорных текстов, в которых

активны постоянные эпитеты, свойственные общефольклорной традиции, на что особо указывают авторы рассматриваемой статьи [Там же, с. 129].

Степень участия индивидуума в создании произведения обуславливает различие между фольклорными эпитетами и эпитетами литературного языка. В фольклоре процесс создания произведений является коллективным, поэтому для устного народного творчества свойственна такая стилеобразующая черта, как обобщенность, то есть создателем произведения является коллективный автор — носитель фольклорного сознания, отражающий коллективные представления и «пределно обобщенный взгляд на вещи и явления» [Мильков, 1988, с. 48].

Обобщенность особенно отчетливо проявляется на лексико-семантическом уровне текста, в частности, в употреблении постоянных эпитетов, о которых писал Ф. И. Буслаев: «Эпитет, которым сопровождается название какого-нибудь предмета, называется постоянным... Постоянные эпитеты восстанавливают в воображении то живое, наглядное представление, которое лежит в названии предмета» [Буслаев, 1959, с. 290].

Материалом для нашей статьи послужили тексты духовных стихов вне зависимости от их родовой принадлежности, вошедшие в три сборника.

1. Сборник, составленный В. Варенцовым [Варенцов, 1860], является одним из первых собраний текстов данного фольклорного жанра. Включает 5 разделов: «Общие. Исторические», «Догматические», «Раскольничьи стихи», «Вирши XVII—XVIII веков», «Белорусские стихи» и «Малороссийские стихи». Нами были рассмотрены стихи, включенные в первые три раздела, записанные на исконных русских территориях.

2. Сборник «Голубиная книга: Русские народные духовные стихи XI—XIX веков» [ГК, 1991]; это собрание народной песенной поэзии, основанной на религиозных темах и сюжетах, изданное в советское время впервые. В сборник включены как широко распространенные во множестве вариантов и любимые народом стихи «Голубиная книга», «Егорий Храбрый», «Алексей, человек Божий», «Сон Богородицы», так и редкие образцы религиозных песен. Тексты взяты из сборников духовных стихов П. Киреевского, П. Якушкина, В. Варенцова. П. Бессонова, выходявших в XIX веке, а также включают обширный материал русской периодики XIX — начала XX века. При анализе материала повторно не рассматривались тексты из сборника В. Варенцова.

3. Сборник «Духовные стихи Русского Севера» [ДСРС, 2015], который включает разнообразные по своему составу произведения, записанные на территории Карелии и сопредельных областей (Архангельская область, Вологодская область, Ленинградская область, Мурманская область, Республика Коми).

При проведении анализа мы опирались на следующие методические положения:

- 1) учитывались эпитеты, выявленные в результате сплошной выборки в текстах всех сборников;
- 2) рассматривались как полные, так и усеченные формы имен прилагательных, используемых в функции эпитетов;
- 3) при рассмотрении постоянных общефольклорных эпитетов учитывались исследования других фольклорных жанров, посвященные эпитетам;
- 4) при определении жанрово обусловленных эпитетов учитывалась частотность употребления в исследуемых текстах.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Постоянные эпитеты в жанрах русского фольклора

На основе проведенного анализа мы выделили 2 различных по составу корпуса эпитетов:

- 1) *общефольклорные* (межжанровые) *постоянные* эпитеты;
- 2) *жанрово обусловленные* эпитеты русских духовных стихов.

Как говорилось ранее, постоянные эпитеты являются одной из отличительных черт русской общефольклорной традиции, о чем свидетельствуют специальные исследования отечественных лингвофольклористов.

Былинные тексты демонстрируют наличие архаики: «В фольклорном эпитете, как правило, сохранилась лингвистическая архаика, в частности историческая семантика: лексико-семантическая структура фольклорного эпитета отличается от структуры соответствующего прилагательного в современном литературном языке» [Слесарева, 2011, с. 122]. Изучение былинных текстов позволяет говорить о том, что «народная память сохранила историческую семантику почти в каждом фольклорном эпитете» [Там же, с. 124].

Постоянные этнонимические эпитеты в былинах являются определенными константами фольклорного поэтического мира: «Это, бесспорно, обогащает предметную картину мира русского фольклора, в частности эпоса, наполняет ее межэтническими связями и отношениями, предполагает реальность культурного обмена между этносами и демонстрирует открытость русской культуры» [Березкина, 1999, с. 34].

В русских сказках постоянные эпитеты используются для создания ярких зрительных образов «путем живописного описания места действия, выделения отличительных особенностей и качеств персонажей, волшебных помощников и чудесных предметов» [Егорова, 2018, с. 12]. Сказочные эпитеты являются важным средством типизации создаваемых образов, которые должны запоминаться и оказывать сильное эмоциональное воздействие на человека.

В частушках, с одной стороны, мы наблюдаем большое количество эпитетов, перешедших из традиционных лирических песен, однако отме-

чается и употребление «всевозможных новых эпитетов», при помощи которых «создается множество довольно индивидуализированных внешних портретов» [Лазутин, 1981, с. 142]. В целом «частушечные эпитеты по выражаемому мыслям и чувствам, а также по запечатленному ими характеру поэтического мышления и методу художественного творчества в сравнении с былинами и традиционными песнями свидетельствуют о последующей ступени в развитии народной поэзии» [Лазутин, 1981, с. 146].

В жанре любовных баллад эпитеты наряду с другими изобразительными средствами занимают центральное место в поэтике любовных баллад и обеспечивают «устойчивость жанрового порядка» [Вавилова, 2020, с. 116].

Резюмируя сказанное, можно сделать вывод о том, что в различных жанрах русского фольклора значимость постоянного эпитета и стоящего за ним объема информации неоспорима.

3.2. Общефольклорные постоянные эпитеты русских духовных стихов

В текстах духовных стихов активны (частотны) общефольклорные постоянные эпитеты. С точки зрения предметно-тематической отнесенности они используются для создания характеристики разнообразных формирующих пространство стиха предметов и явлений, а также описания различных качеств героев:

- 1) явлений окружающего мира и неживой природы;
- 2) живой природы (животного и растительного мира);
- 3) внешнего облика человека;
- 4) предметов одежды и быта / убранства помещений;
- 5) мест происходящих событий / совершения героями каких-либо действий;
- 6) интеллектуальных и эмоциональных качеств героев и проч.

Нами был сформирован список из 20 наиболее частотных постоянных эпитетов, свойственных русской фольклорной традиции (многие из них представляют собой устойчивые образные формулы, формирующие универсум русского фольклора: *белый свет, белый конь, красное солнце, красная девица, ясные очи, светлый месяц, синее море, желтые пески, высокие горы, темные леса, добрый молодец, добрый конь, чистое поле, сырая земля, буйная голова, лютая змея / смерть* и под.):

белый (*белый свет, белая заря, белый заяц, белый конь, белое лицо, белое тело, белая рука, белая грудь*);

красный (*красное солнце, красное золото, красная девица*);

синий (*синее море*);

желтый (*желтый песок, желтые кудри*);

серый (*серый заяц, серый волк, серый камень*);

зеленый (*зеленый лес, зеленое вино*);

светлый (светлый месяц);
темный / претемный (темная ночь, темная / претемная туча, темный лес);
ясный (ясная заря, ясные очи);
чистый (чистое поле, чистое серебро);
сахарный (сахарные уста);
широкий (широкий двор, широкий дуб, широкое поле);
высокий / превысокий (высокие / превысокие горы, высокое древо / древо);
сырой (сырая земля);
великий (великий страх, великое мучение, великая слава, великий князь);
буйный (буйный ветер, буйная голова);
честный (честная жена, честная глава, честные мощи, честные дары);
добрый / доброй (добрый молодец, добрый конь);
премудрый / премудрой (премудрый царь);
лютый (лютый пёс, лютая змея, лютая болезнь/ хворобра, лютая смерть) и проч.

Ввиду значительности списка приводим примеры в составе нескольких выделенных нами групп (при цитировании сохраняется орфография и пунктуация источника).

БЕЛЫЙ — КРАСНЫЙ — СИНИЙ — ЖЕЛТЫЙ — СВЕТЛЫЙ

Ой скажи ты нами, Давидъ царь Евсѣевичъ,

*Про **бѣлый** свѣтъ, про всѣ заповѣди:*

*Отъ чего зачинался **бѣлый** свѣтъ?*

[Варенцов, 1860, с. 11];

У князя зла была княгиня, <...>

В особыя покои выходила,

***Бело** свое лицо умывала,*

Дороги одежды одевала,

Золоты монисты налагала,

Во теплую во спальню проходила,

Туда к себе Осипа призывала,

*За **белыя** за руки захватила,*

Безстыжия реци говорила...

[ДСРС, 2015, с. 290];

Кладите его да на широко поле

*И разстреляйте его тело **белое**,*

*И сожгите его тело белое
На том огни на здрящем
[ДСРС, 2015, с. 412];
Не видать Егорью свѣта **бѣлаго**,
Свѣта **бѣлаго**, солнца **краснаго**
[Варенцов, 1860, с. 97];
... У нас **белый** вольный свет зачался
от суда Божия,
Солнце **красное** от лица Божьего,
Самого Христа, Царя Небесного....
[ГК, 1991, с. 35];
Померкнет **красное** солнышко,
Потемнеет **светел** месяц
[ГК, 1991, с. 256];
Ты не плачь, **грит**, не горюй, **красна** девица,
Я приехал вѣдь тебя спасать,
Поищи-ка у меня да в буйной головы
[ДСРС, 2015, с. 394];
Прости, тело, прости, **бело**, прости, **белое** мое,
А ты-то, тело **бело**, да во сыру землю пойдешь,
А я, грешна душа, да по своим я по делам.
[ДСРС, 2015, с. 273];
Катится карета чѣрная во **желты** пески,
На **желты** пески, ко **синю** морю,
Прикатилася карета на **желты** пески, ко **синю** морю.
Выходит девица на **желты** пески,
Садилася девица по-край бережка...
[ДСРС, 2015, с. 399].*

СЫРОЙ — ЯСНЫЙ — ЧИСТЫЙ — ШИРОКИЙ —
ВЕЛИКИЙ — ВЫСОКИЙ — САХАРНЫЙ

*Ой вы, гой еси, змеи огненные!
Рассытьтесь, змеи, по **сырой** земле
В мелкие дробные черенъицы.
Пейте и ешьте из **сырой** земли!
[ГК, 1991, с. 57];
Отъ чего зачинались зори **ясныя**?
[Варенцов, 1860, с. 11];*

*По локоть у него руки въ красномъ золотѣ,
По колѣни ноги въ **чистомъ** серебрѣ <...>*

[Варенцов, 1860, с. 95];
*Приказал Максимьян, царь мучитель
Спустить тело белое на **широко** поле*
[ДСРС, 2015, с. 412];
*И взяли эты злы мучители
Кирика младенца
Трехгодного без двух месяцев
И мать его Улиту,
Свели в поле **широкое**
И пригвоздили ко дубу ко **широку***
[ГК, 1991, с. 82];
*Отвѣтъ держитъ Володимерь князь,
Володимерь князь Володимеровичъ
Приказал ъ онъ его на мученье взятьъ,
На мученье на **великое** <...>*
[Варенцов, 1860, с. 80];
*И цѣлуеъ во уста **сахарны**,*
И ведеъ его въ бѣлокаменны палаты <...>
[Варенцов, 1860, с. 89];
*И поехал Аника в **чистое** поле погуляти,
Начальной град Ерусалим раззоряти*
[ГК, 1991, с. 103];
*По крутым горам по **высокиим**,
По темным лесам, по дремучим
Теките вы, реки, где вам Господь повелел!*
[ГК, 1991, с. 56].

ДОБРЫЙ — БУЙНЫЙ — ЛЮТЫЙ — ПРЕМУДРЫЙ

*Она видит, со **чиста** поля
Бежит **доброй** белой конь,
На кони сидит **добрый** молодец,
Он подъехал к Олисафии,
Остановиу **добра** коня,
Ю спрашивает...*
[ДСРС, 2015, с. 394];
*И поехал Аника домою,
Садился Аника на **доброто** коня,
«Охъ ты, мечъ, ты съги **буйну** голову
У того Кудреяна Кудреяница»*
[Варенцов, 1860, с. 99];

*Говорит он ей слова ласковы:
«Поищи-ка мне **буйну** голову».
Вот искала ему **буйну** голову
[ДСРС, 2015, с. 422];
...Отдает меня батюшка ко **люту** змею,
Ко **люту** змею на съедение,
Ко **пещерскому** на прожрение
[ГК, 1991, с. 62];
А **премудрый** царь Давидъ Евсъевъ <...>
[Варенцов, 1860, с. 12];
Ты **премудрый** царь, Давыд Мосиёвич,
Ты скажи-тка нам, проповедуи-ка
[ДСРС, 2015, с. 495].*

Обращаем внимание на то, каким образом в текстах духовных стихов представлена цветовая палитра. Колоративы *белый* и *красный* являются наиболее частотными, количество их текстоформ примерно в 3 раза превышает совокупное количество текстоформ всех остальных колоративов. При этом *черный* в сравнении с *белым* и *красным* используется гораздо реже в лексически ограниченном круге синтагм (в прямом и переносном значениях): *черное море, черная карета / чернobarхатная карета, черная риза, черное платье, черная душа.*

***Черну** ризу одеваю,
Главу в куколь украшаю,
Очи долу возвожу
[ДСРС 2015, с. 182];
Снаряжалась девица в **черны** платьица,
В **черны** платьица опальныя...
[ДСРС 2015, с. 437];
Пошли ты их, Господи, к Лазарю грешному
За душой **черной**, душой многогрешною!
[ГК, 1991, с. 126];
Повели Олексафию со крута крыльца,
Сажали Олексафию в карету **черную**,
Повезли Олексафию ко синю морю,
Ко тому ко восходу ко змеиному
[ГК, 1991, с. 62].*

Помимо *белого*, *красного* и *черного*, в рассмотренных нами текстах используются колоративы *синий*, *желтый* (производное *рудожелтый*), *серый*, *зеленый*, а также обозначения оттенков *темный* и *светлый*:

<...> *Ужъ какъ **бѣлой**-отъ заецъ пошелъ на небо;*

*А **сѣрой**-отъ заецъ по земли пошелъ*

[Варенцов, 1860, с. 19];

Посадила Егорья-свѣта со матерью

Во томъ погребѣ во глубокомъ,

Задерживаль рѣшеточки желѣзныя,

***Желтымъ** пескомъ призаасыпываль,*

***Сѣрымъ** каменемъ призаваливаль<...>*

[Варенцов, 1860, с. 96];

Не былы ветры да принавеяли,

*Раскатали все **серы** камешки,*

*Разнесли ветры все **желты** пески*

[ДСРС, 2015, с. 267];

*Откуль-неоткуль да от **синя** моря,*

*От **синя** моря, от чиста поля*

Идет лошаденка одноколочек,

*Катится карета **черная***

[ДСРС, 2015, с. 399];

Оставляю сады вам виноградны,

Оставляю вам яблони кудрявы

*И оставляю поля, луга **зелены***

[ДСРС, 2015, с. 68];

*Напилася душа **зелена** вина,*

*От **зелена** вина душа пьяна была*

[ГК, 1991, с. 223];

*Переходил он **синѣ** море,*

Пошел он за те за горы за высокие,

*За те луга за **зеленые**,*

*За те за леса за **темные***

*Во те во пещеры **белокаменные***

[ГК, 1991, с. 93].

3.3. Жанрово обусловленные эпитеты русских духовных стихов

В сравнении с традиционными жанрами фольклора духовный стих обладает несколько иной системой ценностей и, соответственно, другой системой оценок, что обусловлено изменением самого объекта оценки. Как верно замечает С. Е. Никитина [Никитина, 1993], традиционный фольклор оценивает внешний мир, здесь важна оценка людей с точки зрения их умения и знаний, которые помогают ориентироваться в мире и достигать поставленных целей.

В духовном стихе важен человек с его помыслами, намерениями, желаниями, поступками; здесь оценивается личность, которая не только покоряется Божьей воле, но отличается готовностью к покаянию, истинной верой в Бога, нравственной чистотой. Изменение типа оценки находит свое отражение в системе эпитетов. В духовном стихе мы обнаруживаем разнообразные эпитеты, используемые для образной и / или эмоционально-оценочной характеристики предметов, явлений, прямо (или косвенно) связанных с Богом и божественным началом. Действия, поступки и помыслы героев оцениваются с точки зрения истинности веры, возможных последствий за совершенные деяния, часто — в категориях сакральности и святости.

Так формируется особый, *иной*, в сравнении с традиционным фольклорным, универсум духовного стиха, в котором важнейшим является вектор христианской веры и все, что с ним связано. Активную роль в этом играют *жанрово обусловленные эпитеты*; приводим список из 8 наиболее частотных:

Божий (*народ Божий, строки Божии, слова Божии, лицо Божие, думы Божии, слава Божия, Божья церковь, Божие писание, Божья пелена и проч.*);

небесный (*царь небесный, небесное царство, сила небесная, манна небесная*);

Господний (*господний престол, господняя служба, господний гроб, слово Господнее, ризы Господние, воля Господняя*);

святой (*святая церковь, святая Русь-земля, святой(ой) дух, святой рай, свято(е) крещение, святая кровь, святое лицо, святые ребра, святые ангелы / архангелы, святой град, святая Дева, святое имя, святая душа, святой отец, святой младенец, святой помощник*);

грешный — праведный (*грешный, праведный человек, грешная / праведная душа, праведное солнце*);

христианский (*вера христианская / христианская, Бог христианский, народ христианский*);

вечный (*вечная мука, вечный живот, вечная тьма*).

Приведем далее текстовые примеры:

*Солнце красное отъ лица **Божія**,
Зори ясныя отъ ризъ **Божіихъ**,
Младъ свѣтѣль мѣсяць отъ грудей **Божіихъ**,
Ночи темныя отъ думъ **Божіихъ**,
Буѣнь-вѣтеръ отъ воздоховъ,
Дробень дождикъ отъ слѣзь Его,*

*Народъ **Божій** отъ Адамія
[Варенцов, 1860, с. 12];
Правда пошла на небеса
К самому Христу, Царю **Небесному**;
А Кривда пошла у нас вся по всей земле,
По всей земле по свет-русской,
По всему народу **христианскому**
[ГК, 1991, с. 41];
Поимейте веру **христианскую**,
И верою, и любовью
Поимейте друг друга и брат брата,
И сын отца и мать свою!
[ГК, 1991, с. 242];
У нас было во граде во Салыме,
Во святой соборной во **Божьей** во церкви
Припочивал **святой** Димитрий чудотворец
[ГК, 1991, с. 91];
Вынули его душеньку честну из грудей,
Снесли его душеньку на золотом блюде,
Принесли душеньку в царство **небесное**...
[ДСРС, 2015, с. 226];
Грядет он скоро во **святую** соборную церковь,
До **Господнего** престола доступает,
Животворящий крест с престола принимает,
Святой их водой окропляет,
Ото сна разбуждает...
[ГК, 1991, с. 96];
Со страхомъ мы, братіе,
Мы послушаемъ **Божія** писанія,
Господнихъ страстей <...>
[Варенцов, 1860, с. 53—54];
Красная Алисафия Агатиевна срадовалася,
Во всю ночь она Богу молилася,
У ней вышиты были, напечатаны
Святы ангелы, **святы** архангелы,
Пресвятая Мати Богородица
[ДСРС, 2015, с. 413];
<...> Поди сходи по Римскому Чарству,
Созывай-ко попов, протопопов
И кума со кумою,*

*Крестите младенца во **свято** крещенье,
Нарекайте ему имя **святое**
Алексей человек **Божий**
[ДСРС, 2015, с. 70];
<...> И на небеса вознесуся
Со Ангелами со **святыми**,
Со грозными Херувимамъ,
Со страшными Серафимамъ
[Варенцов, 1860, с. 53];
Во **святомъ** градъ Иерусалимъ
Плакала, ходила **Святая** Дѣва <...>
[Варенцов, 1860, с. 54];
Братецъ, ты, братецъ, богатый человекъкъ!
Сотвори мнѣ, братецъ, **святую** милостинку
[Варенцов, 1860, с. 71];
Взголовили **святые** праведны апостолы,
Заплакала вся нища наша братия, —
Уж и кто же нас учить будет,
Учить будет словам **Божиим**?
[ГК, 1991, с. 115];
Ой же вы, **грешные** люди,
Спорожены вы были от Адама и от Евы
И посланы на трудну землю
Ради вы душевного спасенья,
А не ради великого согрешенья.
За ваше житье за беззаконно,
За ваше велико согрешенье
Показана вам **вечная** мука, **бесконечна**...
[ДСРС, 2015, с. 96];
Станьте от гробов, **праведны** души,
На восток вы лицами,
А **грешные** души, встаньте на запад лицами
[ДСРС, 2015, с. 495];
Праведным душам — Царствие Небесное,
А **грешным** душам — ад кромеиный...
[ГК, 1991, с. 174];
Жила душа **грешная** на вольном
Бранилася, да не простилася
[ГК, 1991, с. 231];
Уж вы еси, **праведны** души,*

*Уж подьте по правую руку,
Уж вы подьте лица мы ко востоку*
[ДСРС, 2015, с. 255—256];
*Кто этот стихъ воспъваетъ
Избавлень будетъ отъ **въчныя** муки*
[Варенцов, 1860, с. 56];
*Да кто три накона на день воспеваает,
Тот избавлен будетъ муки **вечны**, (от)*
*Муки **бесконечны***
[ДСРС, 2015, с. 74];
*Моя душа грешна
Пойдет в муку **вечну**,
Во век бесконечный,
Конца-краю нету*
[ДСРС, 2015, с. 207];
*Велика наша **въра крещеная**,
Великъ нашъ **христiанскiй** Богъ!*
[СРДС Варенцов, 1860, с. 79]
*Отгвоздите меня отъ древа превысокаго
Со родимою со матер ю,
Ради своя **въры крещенный**,
Ради своего Бога **христiанскаго**!*
[Варенцов, 1860, с. 83].

Согласно нашим наблюдениям, количественно перечень эпитетов, свойственных общефольклорной традиции, шире: их примерное соотношение с жанровыми эпитетами духовного стиха составляет два с половиной к одному. И этому, как нам кажется, есть разумное объяснение: духовный стих является малым фольклорным жанром, принадлежащим русской фольклорной традиции, сохраняющим общие особенности языка фольклора.

3.4. Грамматическая характеристика эпитетов русских духовных стихов

При рассмотрении эпитетов с грамматической (морфологической и синтаксической) точки зрения мы обнаруживаем следующие закономерности.

1. В абсолютном большинстве эпитеты выражены полными (качественными и относительными, реже — притяжательными) прилагательными; при этом, по нашему мнению, следует говорить об определенном окачествлении признака, выраженного относительными или притяжательными адъектива-

ми, что обусловлено поэтикой и спецификой жанра духовного стиха, в таких атрибутивных синтагмах, как *Божий человек*, *Божий народ*, *Божье слово* и проч., что требует детального рассмотрения в рамках отдельной статьи.

В функции эпитетов используются усеченные адъективы, однако их доля, по нашим подсчетам, не превышает 10—12 % от общего количества эпитетов; об использовании в духовных стихах усеченных прилагательных см. подробнее: [Котов и др., 2020; Котов и др., 2021]. Приводим некоторые примеры:

*На славную она выпала на Фаворъ-гору,
ко чудну кресту къ животворящему,
ко тому ко камню ко бѣлатырю <...>*
[Варенцов, 1860, с. 20];

*Отъ твоего бѣла лица лучи стоятъ,
Какъ отъ солнца отъ праведнаго?*
[Варенцов, 1860, с. 80—81];

*А ён взимал Егорья за жолты кудри,
Отвозил Егорья во синё морё,
А привязал Егорью синь горюцъ камень,
А бросал Егорьюшка на само дно,
А на само дно, да во синё морё*
[ДРС, 2015, с. 456];

*<...> Страиень я сонь въ сняхъ видала,
Будто я сына спородила,
Во свято крещенье крестила <...>*
[Варенцов, 1860, с. 48];

*От свята града Иерусалима
Поднималися ветры буйные*
[ГК, 1991, с. 53];

*Ветры буйные от Свята Духа,
Дробен дождик от слез Христа,
Самого Христа, Царя Небесного*
[ГК, 1991, с. 35];

*<...> Ужь я дамъ вамъ гору золотую ,
Я даю вамъ рѣку медовую, —
Я даю вамъ сады съ виноградомъ,
Я даю вить вамъ манну небесну*
[Варенцов, 1860, с. 63];

*Охъ ты, мечъ, ты съки буйну голову
У того Кудреяна Кудреяница*
[Варенцов, 1860, с. 99];

*Говорит он ей слова ласковы:
«Поищи-ка мне **буйну** голову».*

*Вот искала ему **буйну** голову
[ДСРС, 2015, с. 422];*

*Аники **буйна** глава долой с плеч покатилась,*

*И яко пьяныя Аника на коне зашатался
[ГК, 1991, с. 106];*

2. Эпитеты входят в состав атрибутивной (чаще — одночленной, реже — двухчленной или трехчленной) синтагмы с препозитивным расположением адъектива. Постпозитивное расположение эпитета в рассмотренном нами языковом материале является менее частотным, доля постпозитивных эпитетов составляет также не более 10 % от общего количества:

*Изъ-подъ той страны изъ-под ъ восточныя
выставала туча **темная, грозная;***

*да изъ той изъ тучи **грозной, темныя,**
выпадала книга голубиняя <...>*

[Варенцов, 1860, с. 19—20];

*Дамъ вить я вамъ гору **золотую,***

*Ише дамъ вить я вамъ рѣку **медовую,***

Я вамъ дамъ ише сады съ виноградьемъ

[Варенцов, 1860, с. 65];

*Уж да горы, вы горы **высоки,***

Полно вам неверному веровать,

Разойдитесь-ко по мелким горам, по пригорочкам [ДСРС, 2015, с. 64];

Да ты откуль идёшь, калика,

*Да ты откуль, калика **верна...** [ДСРС, 2015, с. 112];*

Вдруг море всколыхалосе,

*Иде змея **лута** [ДСРС, 2015, с. 454];*

*Вы горы, горы **толкучие!***

Станьте вы, горы, по-старому.

*Поставлю на вас церковь **соборную,***

*В вас будет служба **Господняя!** [ГК, 1991, с. 56].*

4. Заключение = Conclusions

В рамках данной статьи мы сделали первичные наблюдения, однако полученные нами результаты являются еще одним шагом в изучении специфики жанра русского духовного стиха, в том числе с собственно языковой точки зрения.

Постоянные эпитеты, свойственные всем жанрам фольклора, — важная часть духовного стиха, так как они являются главным выражением нормативной оценки произведений устного народного творчества, в которых субъектом выступает фольклорный социум, объектом являются предметы внешнего мира.

Противопоставление «свое — чужое», лежащее в основе ценностной картины мира русского фольклора, в духовном стихе трансформируется: перед нами мир христианских ценностей, объектом оценок которого становится не внешний мир, а сам человек с его помыслами, намерениями и так далее. Ценность приобретает покорная Божией воле личность, главным достоинством которой являются истинная вера, нравственная чистота, готовность к покаянию. Кроме этого, появляются новые, свойственные жанру, субъекты действия — сакральные сущности, описание которых также предполагает другой вид оценки, которая выражается в первую очередь жанровыми эпитетами: *небесный, Божий, Господний, христианский* и др.

Анализ грамматической характеристики позволяет говорить о преобладании полных форм адъектива (качественных и относительных, реже — притяжательных прилагательных), при этом замечено определенное окачествление признака, выраженного относительными или притяжательными адъективами (*Божий человек, Божий народ, Божье слово* и др.).

Структура атрибутивной (чаще — одночленной, реже — двухчленной или трехчленной) синтагмы тяготеет к препозитивному расположению адъектива.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Источники и принятые сокращения

1. Варенцов — *Сборник русских духовных стихов* / сост. В. Варенцовым. — Санкт-Петербург : Издатель Д. Е. Кожанчиков, 1860. — 248 с.
2. ГК — *Голубиная книга* : Русские народные духовные стихи XI—XIX вв. / сост., вступит. статья, примеч. Л. Ф. Солощенко, Ю. С. Прокошина. — Москва : Московский рабочий, 1991. — 341 с. — ISBN 5-239-01136-2.
3. ДСРС — *Духовные стихи Русского Севера* / сост. В. П. Кузнецова / сост. нот. прил. Г. В. Лобкова, М. Н. Шейченко. — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2015. — 800 с. — ISBN 978-5-9274-0626-5.

Литература

1. *Березкина Е. С.* Отэтнонимические прилагательные в роли постоянных эпитетов / Е. С. Березкина // *Лингвофольклористика : сборник научных статей.* — Курск : Курский государственный педагогический университет, 1999. — № 1. — С. 30—34.

2. Булахова Н. П. К определению понятия эпитет (предуготовление к функциональной характеристике) / Н. П. Булахова, А. П. Сквородников // Экология языка и коммуникативная практика. — 2017. — № 2. — С. 122—143.
3. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика / Ф. И. Буслаев. — Москва : Учпедгиз, 1959. — 623 с.
4. Вавилова К. Ю. Символика в русском народном творчестве (на материале любовных баллад) / К. Ю. Вавилова // Филология: научные исследования. — 2020. — № 11. — С. 108—117. — DOI: 10.7256/2454-0749.2020.11.34242.
5. Веселовский А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. — Москва : Высшая школа, 1989. — 307 с. — ISBN 5-06-000256-X.
6. Егорова О. А. К вопросу о жанровой специфике функционирования эпитетов в русских народных сказках / О. А. Егорова // Филологический аспект. — 2018. — № 3 (35). — С. 6—12.
7. Жданович Н. В. Проблема сущности эпитета в русской лингвистике / Н. В. Жданович // Вестн БДПУ. — 2007. — № 4. — С. 79—83.
8. Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика / В. М. Жирмунский. — Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1977. — 407 с.
9. Котов А. А. Атрибутивные формы в русских духовных стихах / А. А. Котов, Е. А. Мухина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2020. — № 10. — С. 129—135.
10. Котов А. А. Краткие и усеченные формы адъектива в русских духовных стихах Карелии : грамматический аспект / А. А. Котов, Е. А. Мухина // Научный диалог. — 2021. — № 11. — С. 123—142. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-11-123-142.
11. Лазутин С. Г. Поэтика русского фольклора : Учебное пособие для филологических факультетов университетов / С. Г. Лазутин. — Москва : Высшая школа, 1981. — 221 с.
12. Мильков В. В. Синкретизм в древнерусской мысли / В. В. Мильков // Отечественная общественная мысль эпохи средневековья (историко-философские мысли) : сборник научных трудов. — Киев : Наукова думка, 1988. — С. 46—57. — ISBN 5-12-000016-9.
13. Никитина С. Е. Устная культура и языковое сознание / С. Е. Никитина. — Москва : Наука, 1993. — 188 с. — ISBN 5-02-011106-6.
14. Петров А. М. Символика цветообозначений в русских духовных стихах / А. М. Петров // Филологические науки. — 2011. — № 5. — С. 25—35.
15. Слесарева Т. П. Семантика фольклорных эпитетов в былинных текстах / Т. П. Слесарева // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. — 2011. — № 2. — С. 121—124.
16. Томашевский Б. В. Стилистика. 2-е издание / Б. В. Томашевский. — Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1983. — 288 с.
17. Тэрнер В. Символ и ритуал : Пер. с англ. ; вступ. ст. В. А. Бейлиса / В. Тэрнер. — Москва : Наука, 1983. — 277 с.

Статья поступила в редакцию 17.06.2023,
одобрена после рецензирования 20.08.2023,
подготовлена к публикации 25.08.2023.

Material resources

DSRS — *Spiritual poems of the Russian North*. (2015). Petrozavodsk: Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 800 p. ISBN 978-5-9274-0626-5. (In Russ.).

- GK — *Pigeon Book: Russian folk spiritual poems of the XI—XIX centuries.* (1991). Moscow: Moskovsky Rabochy. 341 p. ISBN 5-239-01136-2. (In Russ.).
- Varentsov — *Collection of Russian spiritual poems.* (1860). St. Petersburg: Publisher D. E. Kozhanchikov. 248 p. (In Russ.).

References

- Berezkina, E. S. (1999). Ethnonymic adjectives in the role of permanent epithets. In: *Linguofolcloristics: collection of scientific articles, 1*. Kursk: Kursk State Pedagogical University. 30—34. (In Russ.).
- Bulakhova, N. P., Skovorodnikov, A. P. (2017). To the definition of the concept of epithet (preparation for functional characteristics). *Ecology of language and communicative practice, 2*: 122—143. (In Russ.).
- Buslaev, F. I. (1959). *Historical grammar*. Moscow: Uchpedgiz. 623 p. (In Russ.).
- Egorova, O. A. (2018). On the question of the genre specifics of the functioning of epithets in Russian folk tales. *Philological aspect, 3 (35)*: 6—12. (In Russ.).
- Kotov, A. A., Mukhina, E. A. (2020). Attributive forms in Russian spiritual poems. *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University, 10*: 129—135. (In Russ.).
- Kotov, A. A., Mukhina, E. A. (2021). Short and Clipped Forms of Adjective in Russian Spiritual Poetry of Karelia: Grammatical Aspect. *Nauchnyi dialog, 11*: 123—142. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-11-123-142> (In Russ.).
- Lazutin, S. G. (1981). *Poetics of Russian folklore: Textbook for philological faculties of universities*. Moscow: Higher School. 221 p. (In Russ.).
- Milkov, V. V. (1988). Syncretism in Old Russian thought. In: *Russian social thought of the Middle Ages (historical and philosophical thoughts): collection of scientific works*. Kiev: Naukova dumka. 46—57. ISBN 5-12-000016-9. (In Russ.).
- Nikitina, S. E. (1993). *Oral culture and linguistic consciousness*. Moscow: Nauka. 188 p. ISBN 5-02-011106-6. (In Russ.).
- Petrov, A. M. (2011). *Symbolism of color meanings in Russian spiritual verses*. Philological Sciences, 5: 25—35. (In Russ.).
- Slesareva, T. P. (2011). Semantics of folklore epithets in epic texts. *Bulletin of Polotsk State University. Series A. Humanities, 2*: 121—124. (In Russ.).
- Tomashevsky, B. V. (1983). *Stylistics. 2nd edition*. Leningrad: Leningrad University Press. 288 p. (In Russ.).
- Turner, V. (1983). *Symbol and ritual: Translated from English; introduction by V. A. Baylis*. Moscow: Nauka. 277 p. (In Russ.).
- Vavilova, K. Yu. (2020). Symbolism in Russian folk art (based on the material of love ballads). *Philology: scientific research, 11*: 108—117. DOI: 10.7256/2454-0749.2020.11.34242. (In Russ.).
- Veselovsky, A. N. (1989). *Historical poetics*. Moscow: Higher School. 307 p. ISBN 5-06-000256-H. (In Russ.).
- Zhdanovich, N. V. (2007). The problem of the essence of epithet in Russian linguistics. *Vesci BDPU, 4*: 79—83. (In Russ.).
- Zhirmunsky, V. M. (1977). *Theory of literature. Poetics. Stylistics*. Leningrad: Nauka, Leningrad Branch. 407 p. (In Russ.).

*The article was submitted 17.06.2023;
approved after reviewing 20.08.2023;
accepted for publication 25.08.2023.*